

Статьи. ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: РЕФОРМЫ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА

Автор: С. А. НЕФЕДОВ

Нефедов Сергей Александрович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН.

В современной историографии распространено мнение, что модернизация России - создание нового государства европейского типа - началась при Петре I. Правда, иногда делаются оговорки, что программа преобразований была готова и до Петра, когда предпринимались первые нерешительные шаги к ее реализации. Историки недооценили государственных деятелей допетровской эпохи; в действительности модернизация началась намного раньше, и реформы середины XVII в. не уступали по своему значению преобразованиям Петра I¹.

Истоки реформ царя Алексея Михайловича и Петра лежали в техническом и культурном превосходстве Запада. В чем оно проявлялось и как воспринималось на Руси? Если говорить о технике, то крупнейшими западными достижениями того времени были изобретение доменных печей и литье чугуна, применение водяных колес на мануфактурах и создание океанских кораблей - галионов и флейтов. Чугун и железо - это пушки и мушкеты, полки нового строя, перед которыми была бессильна средневековая русская конница. Мануфактуры - это дешевые и добротные ткани для обмундирования новой армии, стеклянная посуда, бумага и другие полезные предметы. Корабль выступал как символ торговли; это возможность продавать свои товары и покупать мушкеты, ткани и всякие заморские "диковины".

Новые океанские парусные корабли - флейты - были созданы голландскими кораблями из Саардама. С их появлением стали возможны массовые перевозки невиданных прежде масштабов. Голландцы превратились в народ мореходов и купцов; им принадлежали 15 тыс. кораблей, втрое больше, чем остальным европейским народам. Началась эпоха мировой торговли, которая неузнаваемо преобразила многие государства и страны. Посредническая торговля - это совершенно особый вид торговли, схожий с торговой интервенцией: голландцы обладали огромными капиталами и средствами давления на правительства - они имели европейское оружие и господствовали на море. Голландские купцы могли добиться торговых привилегий и в некоторых случаях получали возможность организовать крупномасштабную скупку местных товаров непосредственно у производителей. Мировой рынок начинал диктовать свои законы. Мировая торговля позво-

стр. 33

лила обеспечить хлебом население растущих промышленных городов, она же породила развитие плантационного хозяйства и рабства в Америке, а также способствовало распространению фольварков и крепостного права в Прибалтике.

Полторы тысячи голландских кораблей ежегодно вывозили из Данцига около 100 тыс. ластов хлеба; голландские купцы предлагали за этот хлеб всю роскошь Запада и Востока. Польские землевладельцы расширяли свои фольварки, гнали крестьян на барщину, вводили порядки, близко напоминавшие плантационное рабство.

Колоссальные прибыли от монопольной посреднической торговли одарили Голландию богатствами, сделавшими ее символом буржуазного преуспевания. Страна стала примером для всей Европы, по которой пошла волна модернизации по голландскому образцу. Все государства стремились завести свой флот и вступить в торговлю с дальними странами, разумеется, избегая голландских посредников. В 1651 г. Англия запретила ввоз в страну товаров на голландских судах, затем этому примеру последовала Франция. Министр Людовика XIV Ж. Б. Кольбер осуществил масштабную модернизацию французской промышленности по голландскому образцу, построил сотни мануфактур и создал французский флот. Волна модернизации по голландскому образцу достигла Пруссии и Австрии - здесь тоже строили мануфактуры и пытались создать свой флот. Затем наступала очередь России. С. М. Соловьев писал, что основное движение российской преобразовательной эпохи - это начатое Кольбером движение подражания Голландии².

Одни страны пытались изгнать голландцев, другие старались использовать их опыт и капиталы. Дело в том, что голландские купцы эксплуатировали не только торговые, но и промышленные возможности других стран. Они не просто покупали товары, но создавали плантации, на которых производили табак или сахарный тростник, разрабатывали рудные месторождения и строили горные заводы.

Пример привлечения иностранных инвестиций показывала Швеция, которая в те времена была бедной сельской страной с населением менее 1 млн. жителей. Здесь был лишь один значительный город - Стокгольм, в котором жили по большей части немецкие купцы. Швеция сохраняла патриархальные обычаи раннего средневековья: шведские крестьяне были свободными людьми, владели землей, имели право носить оружие. Каждый зажиточный бонд мог записаться в дворянское сословие и стать рыцарем ("фрельсе"), а основную часть шведского войска составляло крестьянское ополчение. Швеция была единственной европейской страной, сохранившей всеобщую воинскую повинность.

До начала XVII в. в стране, богатой железными и медными рудами, металла было немного, а металлургическая техника была архаической. Король Густав Адольф (1611 - 1632) положил начало реформам, изменившим облик страны. Этого монарха (наряду с Кольбером) называют одним из основателей доктрины "просвещенного абсолютизма". Он был одним из первых монархов, проводивших целенаправленную политику модернизации своей страны по голландскому образцу. Густав Адольф настойчиво приглашал в Швецию голландских капиталистов, им сдавались в аренду рудные месторождения, шахты, горные заводы и зачастую предоставлялись монопольные права на производство и вывоз железа и меди. Новая технология металлургического производства требовала значительных капиталовложений, и, стало быть, привлечения иностранных капиталов и иностранных специалистов³.

Голландские промышленники строили горные заводы. Король получал свою долю прибылей в виде пошлин с экспорта шведского металла, выкованного из него

оружия. Вскоре выяснилось, что выгода государства заключается не только в пошлинах. Улучшение качества литья послужило толчком к быстрым и решительным переменам в военном деле, и к так называемой "военной революции"⁴, которая была связана, прежде всего, с появлением легкой артиллерии. Густав Адольф сразу же осознал, какие перспективы открывает перед Швецией совершенствование литья, и приступил к целенап-

стр. 34

равленным работам по созданию нового оружия. Эти работы продолжались десятки лет. Были выписаны лучшие оружейники Европы, король сам давал им технические задания и проводил испытания новых орудий на полигоне близ Стокгольма. В 1626 г. М. Вумбрант создал так называемую "кожаную пушку": тонкий медный ствол обматывался канатами и закрывался кожаным чехлом. Эти 3-фунтовые пушки весили 7 пудов - они были в четыре раза легче прежних орудий. Но "кожаные пушки" быстро перегревались и выходили из строя; шведские оружейники продолжали свои эксперименты, и в 1629 г. было создано новое оружие - "полковая пушка", "regementsstycke"⁵.

Последняя, в отличие от "кожаной пушки", - цельнолитое медное орудие; при том же трехфунтовом калибре она весила 7 - 8 пудов. "Полковую пушку" могла везти одна лошадь, два-три солдата катили ее по полю боя рядом с шеренгами пехоты. Таким образом, последняя получала постоянную огневую поддержку. Пушка - с тонкими стенками ствола - не могла стрелять ядрами. Это было первое орудие, предназначенное для стрельбы картечью (последняя изредка использовалась и ранее, но ее применение затруднялось сложностью заряжания). Шведские оружейники создали зарядный патрон - плотный матерчатый мешок, куда помещались картечь и порох. Благодаря этому "полковая пушка" обладала невиданной по тем временам скорострельностью: до шести выстрелов в минуту, и буквально забрасывала противника картечью. "Полковая пушка" стала основным оружием шведской армии в Тридцатилетней войне: каждому полку было придано несколько таких пушек. К середине XVII в. на заводах де Геера научились отливать легкие чугунные пушки. Эти четырехфунтовые орудия имели более толстые стенки ствола и весили 16 - 19 пудов; чугунные пушки могли стрелять ядрами, однако для их перевозки требовалась упряжка из двух лошадей, и они были менее мобильными. Но чугунные орудия были в десять раз дешевле медных. Швеция стала великой артиллерийской державой⁶.

Теперь Густаву Адольфу нужно было создать армию, способную использовать это оружие. Швеция была маленькой и бедной страной, в 1623 г. доход королевства составлял 1,6 млн. рейхсталеров, на эти деньги можно было содержать не более 15 тысяч наемников. Естественный выход состоял в том, чтобы использовать уникальный шведский институт - всеобщую воинскую повинность. Густав Адольф упорядочил ее: в армию стали призывать одного из десяти военнообязанных мужчин, и срок службы был установлен в 20 лет. Однако, в отличие от наемников, рекруты-новобранцы являлись "сырым материалом", поэтому приходилось уделять много времени их обучению, тем более, что им надо было освоить новую тактику, предусматривавшую использование "полковых пушек" и плотного ружейного огня. Еще одной проблемой было массовое дезертирство новобранцев - подневольных

рекрутов, не желавших проливать кровь ради завоевания заморских земель. Густаву Адольфу пришлось ввести суровый дисциплинарный устав и наказания шпицрутенами, однако дезертирство так и не удалось искоренить⁷.

В 1626 - 1630 гг. Густав Адольф призвал в войска 50 тысяч рекрутов: таким образом, была создана первая в Европе регулярная армия. Впрочем финансовая проблема была решена лишь отчасти. Для содержания постоянной армии, требовавшей огромных затрат, Густав Адольф испробовал различные способы: создание монопольных государственных компаний, строительство кораблей, морскую торговлю в обход голландцев. В 1624 г. король провел первую в Швеции земельную перепись и ввел поземельный налог. В Западной Европе еще не проводились подобные переписи. Напрашивается предположение, что Густав Адольф заимствовал эту идею из России. По-видимому, из России была заимствована и идея монополизации хлебной торговли: в 1629 году король скупил весь лифляндский хлеб - около 14 тысяч ластов - по назначенной им цене, а затем перепродал его в Амстердаме вдвое дороже⁸. В конце концов, Густав Адольф разрешил финансовую проблему путем чеканки медных денег с высокой номинальной стоимостью; он первый стал эксплуатировать монетную регалию, заявляя, что деньги, како-

стр. 35

вы бы они ни были, имеют ценность лишь благодаря власти короля - наложенному на монету штемпелю. Медные деньги позволили Густаву Адольфу дополнить призывные контингента наемниками и создать невиданную по тем временам 80-тысячную армию, вооруженную полковыми пушками и облегченными мушкетами⁹.

В 1630 г. шведские войска высадились в Германии, а год спустя в битве при Брейтенфельде пушки шведов расстреляли армию императора Фердинанда II. Шведы стали хозяевами Центральной Европы. Пожары в Германии засвидетельствовали факт свершившейся "военной революции" - рождения регулярной армии. Как полагает М. Роберте, эта "революция" изменила весь ход истории Европы. Появление регулярных армий потребовало перестройки финансовой системы европейских государств, увеличения налогов, что вело к росту бюрократии и усилению королевской власти. Рождение новой армии должно было привести к утрате дворянством положения военного сословия и значительным изменениям в социальной структуре общества¹⁰.

Естественно, что происходившие на Западе перемены - регулярная армия и мировой рынок не могли обойти стороной Россию. Когда в ноябре 1631 г. в Москву пришло известие о победе при Брейтенфельде, царь Михаил Федорович распорядился произвести салют и устроить народные гуляния. Швеция была союзником России в давней борьбе с Польшей, и успехи Густава Адольфа позволяли надеяться, что по окончании германской компании шведы и русские вместе обратятся против поляков. В надежде на этот союз Москва оказывала прямую поддержку Густаву Адольфу: с 1628 г. русская казна беспощадно продавала Швеции от 3 до 5 тыс. ластов хлеба в год. Разница в ценах на хлеб в России и в Европе была такова, что эта "продажа" в действительности была подарком: шведы покупали хлеб по 5 - 6 рейхсталеров за ласт и продавали его в Амстердаме по 75 рейхсталеров. Густав Адольф настолько

высоко ценил русскую помощь, что предлагал царю поделиться своими военными секретами.

В январе 1630 г. в Москву прибыла шведская военная миссия во главе с полковником А. Лесли (по происхождению шотландцем). В состав миссии входили 2 капитана, 3 лейтенанта и артиллерист Ю. Коет, владевший секретом отливки "полковых пушек". Михаил Федорович тепло приветствовал Лесли и наградил его дорогими подарками. В ответ полковник предложил не более не менее как преобразовать и перевооружить русскую армию по шведскому образцу! Побывавший в польском плену отец царя, патриарх Филарет, был горячим сторонником внедрения западных военных новшеств, поэтому предложение было принято без долгих раздумий. Уже вскоре Ю. Коет возглавил "новое пушечное дело" и стал отливать в Москве "полковые пушки". Густав Адольф в личном послании объяснял царю преимущества этих пушек, предлагая прислать орудия из Швеции. После длительного согласования планов в январе 1631 г. Лесли в сопровождении двух русских послов отправился в Стокгольм. Царь просил Густава Адольфа разрешить Лесли завербовать 5 тыс. солдат и офицеров шведской службы и закупить в шведских арсеналах 10 тыс. мушкетов.

Эти опытные солдаты и офицеры должны были обучить 10 тыс. русских солдат и вместе с ними образовать шесть пехотных полков "нового строя". Иностранным наемникам платили 4,5 рейхсталера в месяц, русским - 5 руб. (10 рейхсталеров) в год; но в конце концов, стала ощущаться нехватка денег и два полка (в дополнение к первым шести) были сформированы на основе всеобщей воинской повинности. В России с давних пор население было обязано по разверстке поставлять "даточных", но раньше эти последние служили в обозе; теперь же, по шведскому образцу, из мобилизованных крестьян сформировали солдатские полки. Для финансирования новой армии правительство использовало тот же прием, что и Густав Адольф: пользуясь монополией хлебной торговли, оно продало в 1631 г. свыше 5 тыс. ластов зерна по цене 55 рейхсталеров за ласт. Хотя в России и раньше существовала госу-

стр. 36

дарственная монополия на торговлю некоторыми товарами, продавать за границу хлеб было не принято; столь объемная продажа была осуществлена впервые".

Таким образом, благодаря энергии патриарха Филарета и помощи Густава Адольфа, в России была создана регулярная армия, обученная новейшей военной тактике и вооруженная новым оружием: в этой армии было 66 "полковых пушек". Новую армию дополнили дворянской поместной конницей. Осенью 1632 г. возглавляемое воеводой Шейным 32-тысячное войско двинулось к Смоленску; Лесли командовал передовым полком. Поначалу осада шла успешно, но летом 1633 г., узнав о татарском набеге, дворянская конница самовольно покинула лагерь под Смоленском, чего еще не бывало на Руси. Небольшая регулярная армия осталась один на один с поляками и была окружена численно превосходящим противником. В осажденном лагере не хватало продовольствия, иностранные наемники стали переходить на сторону врага. Осенью 1633 г. умер создатель новой армии и глава правительства патриарх Филарет. Царь Михаил Федорович попытался снарядить новое войско на выручку Шеина, но собравшиеся дворяне отказались выступить в поход. Стольники,

стряпчие, дворяне московские и жильцы (весь цвет дворянства) били челом царю, жалуюсь на "оскудение". Правительство заплатило дворянам по 25 руб., но время было потеряно, Шеин не получил помощи и подписал соглашение о капитуляции¹².

По существу, своим дезертирством из-под Смоленска и отказом выступить на помощь дворяне выдали новое войско на истребление врагам. Дворяне имели причины ненавидеть новую армию: их раздражала очень высокая, сравнительно с их скудными доходами, оплата иностранных наемников, да к тому же они не могли не понимать, что военная реформа лишает значения поместное ополчение и грозит помещикам их переводом в рейтары. Не случайно после возвращения Шеина дворянство потребовало казни неповинного ни в чем полководца. Остатки новой армии были распущены, почти все иностранные офицеры (в том числе и Лесли) были высланы из страны; более того, в угоду дворянам правительство стало запрещать въезд ратных иноземцев в Россию. Было оставлено и "новое пушечное дело" - в 1640-х годах в Москве уже не отливали "полковые пушки"¹³.

Таким образом, первая попытка военной модернизации России по западному образцу закончилась неудачей. Однако воздействие Запада продолжалось. Теперь оно приняло форму мощного торгово-финансового давления. Голландская торговое проникновение в Россию началось сразу после Смуты, когда открылись для торговли пути в глубь страны. В 1618 г. в Архангельск пришло 30 голландских кораблей, а в 1630 г. - около 100 голландских и несколько английских судов. Иностранных купцов больше всего интересовало зерно: цены на хлеб в России были в 10 - 15 раз меньшими, чем в Европе, и эта торговля давала до 1000% прибыли. По русским законам зерно можно было покупать только у государства, но голландцы давали взятки местным властям и скупали хлеб у населения. В 1629 г. в Вологде при досмотре было обнаружено 11 тайных складов, устроенных для голландских купцов. В 1630 г. в Москву прибыло голландское посольство, которое привезло с собой комплексный план включения России в мировой рынок. Послы Бурх и Фелтдриль предлагали Москве стать поставщиком хлеба, льна, пеньки, поташа, смолы, леса. Речь шла уже не просто о торговле, а об организации производства на экспорт: с участием голландских фермеров-предпринимателей предполагалось свести обширные леса в Среднем Поволжье и создать огромные хлебные плантации; побочным продуктом при сжигании древесины были зола и поташ, которые так же предполагалось вывозить. Для начала послы от имени своего правительства обещали закупать по 10 тыс. ластов ржи по цене 30 рейхсталеров за ласт¹⁴.

Голландский проект был отклонен русским правительством, но тем не менее голландцы получили право скупать во внутренних районах России все упомянутые послами товары, за исключением хлеба. Этого было достаточно,

стр. 37

чтобы голландская торговая интервенция охватила всю страну: почти в любом городе можно было встретить голландцев или их агентов, закупающих русские товары по самым низким ценам. Обороты торговли быстро росли; к середине XVII в. стоимость товаров, ежегодно вывозимых из Архангельска достигла 1,2 млн. руб. или 6,2 млн. ливров. (Стоимость французского экспорта, до реформ Кольбера

осуществлявшегося, как и в России, на голландских судах, составляла около 16 млн. ливров. Учитывая, что численность населения Франции была в три раза большей, чем население России, а также и то, что Франция была гораздо ближе к Голландии, следует признать, что голландские торговцы в России достигли больших успехов.) Еще одним свидетельством масштабы голландской торговой интервенции является перестройка российской денежной системы: в 1620-х годах русская копейка была девальвирована так, чтобы соответствовать по ценности голландскому штиверу¹⁵.

Около 1630 г. на Русь приехал очень богатый голландский купец Андрей Виниус, который поначалу был посредником в хлебных закупках шведского правительства. В 1632 г. Виниус обратился к царю с неожиданным предложением: он просил разрешения построить в Туле доменный завод для отливки пушек "по иностранному способу из чугуна". Виниус желал стать российским де Геером: он собирался выручить хорошие деньги на казенных заказах, а остальные пушки вывозить за границу. Шведские чугунные пушки стоили в России примерно 1,5 рубля за пуд, Виниус предлагал поставлять по 60 копеек за пуд, а действительная цена была около 10 копеек. Как бы то ни было, для русского правительства это было чрезвычайно выгодное предложение: голландцы сами, с минимальной помощью, обещали построить домны, привезти мастеров, раскрыть все секреты, научить русских литейному делу и снабдить русское войско пушками. К 1637 г. Виниус построил в районе Тулы четыре завода, а к 1660 г. в России было уже 7 заводов, которые могли выпускать сотни пушек в год. Это был очевидный успех политики привлечения иностранных инвестиций: в 1646 г. было вывезено в Голландию 600, а в 1647 году - 340 пушек. Хуже было с мушкетами, их делали мало и приходилось закупать большие партии в Голландии и Швеции¹⁶.

Иностранные купцы строили в России не только пушечные заводы. Голландец Демулин построил канатную фабрику в Холмогорах, Фимбрант завел производство по выделке кож, известный нам литейщик "астрадамлянин" Ю. Коег создал стекольное и поташное производство. В лесной России выжиг золы и поташа был чрезвычайно выгодным делом, привлекавшим многих предпринимателей. В 1644 г. полковник Краферт получил разрешение организовать производство поташа в муромских лесах - и, видимо по примеру Краферта, бояре тоже стали выжигать поташ и продавать его голландцам. Бояре Б. И. Морозов и Я. К. Черкасский с начала 1640-х г. скупали лесные земли Арзамасского уезда и заводили будные станы для производства поташа. Морозов занимался и другими прибыльными делами; одно время он был компаньоном Виниуса, и, очевидно по его примеру, выписал из-за границы мастеров и основал небольшой доменный завод. В торговые операции с голландцами были втянуты и некоторые русские купцы: ярославцы Назарий Чистой и Антон Лаптев ездили со своими товарами в Голландию¹⁷.

Часть русской знати и купечества увлеклась примером голландцев, и эти люди составили "партию реформ", но их было сравнительно немного. Большинство русских купцов было недовольно "голландским вторжением". В 1628 г. царю была представлена первая челобитная с протестами против торговли иноземцев. Купцы писали, что после Смуты иноземцы проникают внутрь московского государства, покупают дворы в городах, держат на них свои товары, не заявляя о них в таможенню, продают их в розницу, чем у русских "торги отняли". Такие массовые челобития повторялись много раз: в 1635, 1637, дважды в 1639, в 1642, 1646 годах; купцы и посадские люди жаловались на свое "конечное разорение" и все настойчивее просили

Конечно, проблемы российской действительности тех времен не сводились к взаимоотношениям с иностранцами. После Смуты население резко уменьшилось, города наполовину опустели, повсюду лежали заброшенные поля. Рабочей силы не хватало, поэтому бояре и монастыри переманивали крестьян из дворянских поместий, обещали им льготы, снижали нормы оброка и барщины. Переходы крестьян были формально запрещены, существовал срок сыска беглых - "урочные годы", однако никаких сыскных приказов не было, и крестьяне уходили от дворян туда, где им было лучше. На Земском соборе 1637 г. дворяне обратились к царю с петицией, жалуясь на оскудение, на то, что в то время как они пребывают на службе, крестьяне из их поместий и вотчин бегут "за монастыри, за московских сильных людей", а если дело дойдет до суда, то в приказах "волочат" по 5, по 10 лет и больше. В конце концов беглые крестьяне из "урочных лет" выходят и поместья остаются пустыми ¹⁹. Дворяне требовали отмены "урочных лет", введения постоянного сыска и реформы судопроизводства.

В городах были похожие проблемы: посадские люди уходили в боярские и монастырские "беломестные" слободы; они продолжали заниматься ремеслом и торговлей, отнимали доход у посадских, а тем приходилось платить подати за ушедших. Свои проблемы были и у государства: идя навстречу дворянам, оно резко уменьшило подати с поместных и вотчинных крестьян (которые составляли основную часть населения) и в результате осталось без средств. Пытаясь выйти из кризиса, власти увеличивали налоги на черных крестьян и на города, но это не могло решить финансовую проблему.

Таким образом, российская действительность середины XVII в. выглядела как клубок сложных проблем - и внутренних, и внешних. Однако главной оставалась военная проблема, военная слабость, которая привела к страшному разорению во времена Смуты. Как уже отмечалось, первая попытка создания регулярной армии закончилась неудачей, но военная модернизация оставалась вопросом жизни и смерти - вопрос этот побуждал к реформам. Поэтому главной заслугой реформаторов было понимание той угрозы, перед которой стояла страна: ответить на силу Запада можно было только с помощью Запада. В сущности, это было признание необходимости модернизации по западному образцу.

"Партии реформ" повезло: ее главой был воспитатель царевича Алексея, высокообразованный боярин Морозов. Он обладал большой библиотекой, в которой имелись и книги, написанные на латыни - Тацит, Цицерон, Гален; по-видимому, боярин знал латинский язык. Известный ученый Адам Олеарий был знаком с Морозовым и тепло отзывался о "гофместере" царя. Выше уже говорилось, что Морозов был увлечен предпринимательством, связан с Виниусом; слыл великим покровителем "немцев". Морозов старался привить Алексею уважение к достижениям Европы, показывал царевичу немецкие гравюры и иногда одевал Алексея и его друзей в немецкую одежду, в библиотеке царевича было 29 латинских и немецких книг по арифметике, астрономии, географии, строительному делу,

фортификации и т. д. Однако при этом боярин не приучал царевича к государственным делам: Морозов собирался править сам и направлял увлечения Алексея в сторону соколиной охоты и других забав²⁰.

Когда в 1645 г. умер царь Михаил Федорович, Алексею было 16 лет, он всецело подчинялся влиянию своего воспитателя. Власть оказалась в руках "партии реформ". Первые месяцы царствования Алексея Михайловича были отмечены серьезными переменами: родовитые бояре, возглавлявшие приказы и ведомства один за другим отстранялись от своих постов и отсылались воеводами в дальние города. На смену им приходили незнатные, но преданные Морозову чиновники. Сам он стал главой правительства и непосредственным руководителем пяти приказов. Вторым по значению человеком в правительстве был купец Н. Чистой (тот самый, который ездил в Голландию); он заведовал Посольским приказом, а его брат, тоже купец, возглавил Монетный двор. Эти двое купцов вместе с Морозовым и управляющим Си-

стр. 39

бирским приказом князем Трубецким пользовались постоянными советами Винуса, и по словам шведского агента Фарбера, "располагали всем правлением". При этом в Боярской думе возникали забавные коллизии, когда, выслушав купеческое "правительство" (братьев Чистых и Винуса), перед принятием решения их просили выйти за двери²¹. Помимо этих купцов в роли советника Морозова выступал еще один крупный торговец, друг Чистого, В. Шорин. Другие должности были заняты по большей части родственниками главы правительства: шурина Морозова П. Траханиотов стал во главе Пушкарского приказа, другой родственник Морозова, Л. Плещеев получил Земской приказ. Все это были незнатные люди. "В царском совете заседают все молодые и неопытные люди", - доносил из Москвы летом 1647 г. шведский резидент Поммеренинг²².

Программа правительства русских "западников" была с самого начала очевидной: их целью была модернизация России по голландскому образцу, то есть та цель, которую ставили перед собой Кольбер и другие европейские реформаторы того времени. В Голландию был отправлен с особой миссией стольник И. Милославский. Целью миссии было упрочить дружеские отношения с правительством Штатов и заручиться его содействием в проведении реформ. В первую очередь речь шла о создании армии иноземного строя; Милославский должен был вербовать офицеров, закупать оружие для новой армии и искать мастеров для организации производства мушкетов. Милославский справился со своей задачей, он привез с собой оружейного мастера Индрика Фан Акина, под руководством которого была построена мушкетная мануфактура на Яузе под Москвой. Мушкетные стволы делали в основном из шведского железа, но качество изделий было неважным - шведский резидент Родес писал, что при пробах почти половина мушкетов разрывается. Всем мушкетным производством в России и закупками за границей заведовал новосозданный Ствольный приказ, начальником которого был назначен только что вернувшийся из Швеции окольничий Г. Пушкин. В 1647 - 1653 гг. по заказам Ствольного приказа было изготовлено более 40 тысяч мушкетов, но этого все-таки было недостаточно

для многочисленного русского войска ²³ .

Милославский вернулся из поездки большим поклонником всего голландского, он был в восторге от голландских офицеров и старался подражать голландским купцам. Как и Морозов, он увлекся предпринимательством, стал заниматься выжигом поташа и построил доменный завод. По свидетельству Олеария, Милославский "неоднократно являлся к Морозову... и прилежно ухаживал за ним", и Морозов "ради его угодливости очень его полюбил" ²⁴ . У Милославского было две дочери-красавицы, и Морозов предложил сосватать одну из них царю, а на другой должен был жениться сам. Этот хитроумный план увенчался успехом: друзья, Морозов и Милославский, одновременно стали родственниками Алексея Михайловича, а новая царица Мария стала безотказным орудием политики реформаторов. Пристрастие Морозова к иностранцам было хорошо известно, и шведский резидент Фарбер писал, что многие опасались, что по случаю царской свадьбы будут приняты иностранные обычаи и произойдут перемены при дворе ²⁵ .

Перемен не произошло: Морозов был достаточно благоразумен, чтобы не вводить при дворе парики и немецкую одежду. Он понимал, что власть реформаторов слаба, ведь царь Михаил, от которого они ее унаследовали, не был самодержцем, ему приходилось собирать Земские соборы и советоваться с сословиями. На коронации Алексея Михайловича дворяне и посадские люди вновь выступили с массовыми петициями, требуя окончательного закрепощения крестьян и закрытия страны для торговых иноземцев. Морозову не оставалось ничего иного, как пообещать сословиям удовлетворить их челобитья. Дворянам было дано обещание: "как крестьян и бобылей и дворы их переписут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли и их дети и братья и племянники будут крепки без урочных лет" ²⁶ . Однако пожелания посадских людей удовлетворялись лишь частично: было установлено, что отныне иноземцы должны платить ввозные пошлины - впрочем, очень не-

стр. 40

большие - 3 - 4% от стоимости товара. Закрывать страну для иностранцев не входило в намерения правительства: реформы планировалось проводить совсем в другом направлении ²⁷ .

Первая реформа, как отмечалось, была военной. Это был вопрос жизни и смерти, главное, с чего следовало начать. С приходом к власти Морозова в Россию вернулся полковник Лесли, который был незамедлительно принят на царскую службу. Это было знаковое событие, ведь Лесли еще перед Смоленской войной пытался реформировать русскую армию по шведской модели. В 1647 г. по заказу правительства в Голландии был отпечатан переведенный с немецкого строевой устав "Учение и хитрость ратного строя пехотных людей". Было завербовано большое количество иностранных офицеров; осенью 1646 г. началось формирование драгунских полков в Комарицкой волости на южной границе; весной 1648 г. в Москве был сформирован первый рейтарский полк. Однако реформа наталкивалась на финансовую проблему: налоги были незначительны, государство не располагало средствами для формирования новой армии. Вначале Морозов попытался собрать недоимки прежних лет; эта попытка ярко высветила реформаторский характер

правительства: оно возложило недоимки по сбору налогов на тех, кто их собирал, то есть на воевод. Это было нечто неслыханное: засевшие в Кремле чиновники и купцы угрожали "правежом" родовитым боярам! Однако вскоре правительство испугалось своей смелости и отменило указ; было решено перейти к осуществлению финансовой реформы²⁸.

Морозов и его советники предполагали решить все проблемы путем реформирования российской налоговой системы по голландскому образцу. Они предлагали заменить прямые налоги косвенными - путем введения соляной пошлыны, которую в этом случае будут вынуждены платить все, в том числе и малоплатившие до тех пор помещичьи крестьяне, и "беломестные" слободчики, и даже дворяне. "Та соляная пошлына всем будет равна, - говорилось в царском указе, - в избылх никто не будет, и лишнего платить не станет, а платить всякой станет без правежа собою, а стрелецкие и ямские деньги собираются неровно, иным тяжело, а иным легко..."²⁹. Кроме того, было разрешено курить "богомерзкую траву" табак, и при продаже табака тоже взималась большая пошлына. Трудно установить, кому конкретно принадлежала мысль о введении соляной и табачной пошлыны, некоторые говорили, что автором был Шорин. По свидетельству Поммеренинга, позднее, в 1648 г., Милославского обвиняли, что это он "ввел новые пошлыны и другие установления из Голландии"³⁰.

Таким образом, на Руси понимали, что, заменяя прямые налоги косвенными, новое правительство подражает голландцам - действительно, центральная налоговая система Соединенных провинций не знала прямых налогов, но зато косвенные налоги были огромными, и пошлына на соль была больше, чем цена соли. О подражании Голландии говорит также введение на рынках казенных весов (аналогично голландскому сбору за взвешивание). Еще одна мера правительства, перевод местных чиновников (городовых приказчиков, приставов и т. д.) на оплату за счет местных доходов, также соответствовала голландской практике³¹.

Идея введения соляной пошлыны была чрезвычайно смелой. Интересно отметить, что Петр I позднее использовал эту идею, но петровская пошлына была намного меньше, чем морозовская, и, вводя ее, Петр I не обещал отменить другие налоги. После введения пошлыны 1646 г. цена на соль увеличилась в два-три раза и составила 60 - 80 денег за пуд (стоимость 3 - 4 пудов хлеба). Однако реформаторы просчитались: соли стало продаваться гораздо меньше, чем прежде. Оказалось, что население не в состоянии покупать дорогую соль, и казна, временно отказавшаяся от сбора прямых налогов, осталась без средств. Через два года после введения, в декабре 1647 г., соляная пошлына была отменена, и правительство стало собирать старые налоги за эти два года, как будто оно ничего и не обещало. Пытаясь пополнить пустую казну, власти принимали меры строгой экономии, было урезано

стр. 41

жалование стрельцов и сокращены придворные штаты; снова усиленно взыскивались недоимки за прошлые годы³².

После долгого периода запретов вновь начался вывоз хлеба, предпринимались

первые попытки освоить виноделие, производство шелка и красителей. В 1651 г. французский офицер Ж. де Грон выступил с проектом, воскрешающим предложения Бурха и Фельтдриля: он предлагал создать "громадные хлебородные страны" путем выжигания лесов с попутным производством поташа и дегтя. По словам К. В. Базилевича, этот проект породил настоящую "предпринимательскую горячку", вслед за Морозовым и Черкасским в производство поташа включилась вся правительственная верхушка: Ф. М. Ртищев, И. Д. Милославский, Ю. П. Трубецкой, Н. И. Одоевский и более мелкие предприниматели, в том числе и А. Л. Ордин-Нащокин. На будных станах Морозова в это время трудились 6 тысяч крестьян, и их продукция составляла существенную долю российского вывоза³³.

"Во второй половине 40-х годов XVII в. на русской почве был проведен эксперимент с использованием западных экономических рецептов, - так оценивает деятельность правительства В. П. Жарков. - Однако уровня развития страны явно не хватало для того, чтобы передовой опыт раннебуржуазной Европы мог прижиться на просторах Московии... Сконструированная европейским умом и собранная в Москве колесница морозовских реформ быстро увязла в топком бездорожье российской действительности"³⁴. Можно было бы согласиться с этой оценкой, но Жарков считает сутью реформ Морозова отнюдь не заимствование голландской налоговой системы (о чем он умалчивает), а политику меркантилизма, которую он усматривает в повышении таможенных пошлин. Однако повышение пошлин до 3 - 4% или даже до 10% - это не меркантилизм, при настоящем протекционизме пошлины доходят до 38%, так было во Франции еще до Кольбера. А. В. Демкин утверждает, что элементы меркантилизма прослеживаются в политике русского правительства лишь с 1650-х годов³⁵.

В общем, политика правительства реформаторов оказалась неудачной; налоговая реформа провалилась, а судебные решения не стали более справедливыми. Характерным для новой власти были беспредельные взяточничество и вымогательства. Почти все иностранцы, оставившие записки о России тех дней, в один голос свидетельствуют об алчности Морозова, Милославского и их подчиненных. Этот "голландский" менталитет был характерной чертой "западников", связанной с их предпринимательской деятельностью. Чистого и Шорина обвиняли в финансовых махинациях еще при царе Михаиле, но более других на поприще вымогательства выделялся начальник и главный судья Земского приказа Л. Плещеев. Политика реформаторов вызывала недовольство как отстраненных от власти бояр, так и посадских людей. Дворяне тоже были недовольны: прошло уже три года, а Морозов как будто не собирался выполнять данное им обещание отменить "урочные годы". Самое же главное: после отмены соляной пошлины правительство стало требовать налоги за прошедшие годы; в 1648 г. население должно было выплатить налоги за три года: за текущий год и два предыдущих. При таких обстоятельствах восстание стало неизбежным³⁸.

2 июня 1648 г., во время крестного хода в Москве, посадские люди пытались подать царю петицию с обвинениями в адрес правительства. Царь отказался принять петицию. Тогда началось восстание. Были разгромлены дворы всех высших чиновников, убит Н. Чистой, застигнутый толпой в своем доме. Недовольные сокращением жалования стрельцы перешли на сторону восставших; толпа требовала выдачи Морозова, Плещеева и Траханиотова. Испуганный царь выдал Плещеева и Траханиотова, но восстание не прекращалось. 7 июня правительство показало, на кого опирается: наемные "немцы" - офицеры и солдаты - были призваны в Кремль и

заняли оборону на стенах. 10 июня дворяне и посадские люди собрались на большую сходку. Когда царь узнал об этом, он, чтобы спасти Морозова, организовал его бегство в Кирилло-Белозерский монастырь. Посовещавшись, дво-

стр. 42

ряне и посадские потребовали у царя созыва Земского собора, на котором они "учнут бить челом государю о всяких своих делах", то есть предъявят свои требования. В сентябре собрался собор и царь был вынужден удовлетворить все требования дворянства и посадских людей, которые высказывались уже давно, но не находили ответа.

Был положен конец произволу воевод и приказных судов; уголовные дела были переданы выборным из дворян губным старостам, которые судили по новому Судебнику - Уложению 1649 года. "Беломестные" слободы были ликвидированы, и их жители стали нести тягло наравне с посадскими. Собор принял решение об отмене "урочных лет" и окончательном прикреплении крестьян. Торговые люди, наконец, добились выполнения своего главного требования: иностранным купцам был запрещен доступ в Россию дальше Архангельска. Раздавались требования удалить иностранных офицеров, но правительству удалось уклониться от обсуждения этого вопроса³⁷.

Приняв основные требования восставших, царь сумел добиться "прощения" для Морозова, он вернулся из Кирилло-Белозерского монастыря и снова стал принимать участие в делах правительства. Однако, пережив смертельную опасность, Морозов стал осторожнее, он уже не занимал видных постов, передав их своему другу Милославскому. Шведский резидент Родес писал, что Морозов имеет влияние не меньшее, чем раньше, но предоставляет имя правителя носить Милославскому. Милославский показал себя энергичным правителем: он прежде всего взялся за создание военной силы, способной противостоять все еще волнуемому народу. Сначала он предлагал царю создать из голландцев лейб-гвардию и поставить во главе ее полковника Букгофена, но затем (поскольку голландцев было мало) стал формировать двухтысячный гвардейский корпус с русскими солдатами и голландскими офицерами. Однако набранные в этот корпус московские дворяне отказались подчиняться голландским офицерам, и корпус был распущен. В конечном счете, роль избранной гвардии стали выполнять несколько стрелецких "приказов" (полков), которым назначили повышенное жалованье, и командиров, которых царь постоянно потчевал за своим столом³⁸.

Восстание в Москве было направлено против реформаторов и реформ, проводимых по голландскому образцу. Никто из "немцев" не пострадал, хотя голландские купцы были очень напуганы и одно время укрывались под охраной шведских мушкетеров на подворье резидента Поммеренинга. По России шла молва, что царь окружен недобрыми людьми, что Морозов дружит с "немцами" ко вреду русских. Весной 1650 г. в Пскове узнали, что из Москвы едет "шведский немец" с казной и будет закупать хлеб для Швеции. Сразу же пошел слух, что это заговор, что на этот хлеб и на эти деньги шведы соберут войско и пойдут на Русь. В Пскове и Новгороде началось восстание, были избиты и ограблены иноземные купцы, досталось и

торговавшим с ними русским. Новгородские купцы Стояновы были известны своими связями с Н. Чистым и с Морозовым, новгородцы обвиняли их в измене и в сговоре с "немцами". "Идет де твое жалование иноземцам, а вы де природные, живите с травы и воды", - говорили мятежные стрельцы в Пскове. Царю пришлось оправдываться и объяснять, что он не благоволит немцам; лишь с трудом удалось потушить эту смуту³⁹.

Недовольство, выплеснувшееся во время восстаний и на Земском соборе, в конце концов, переросло в движение против иноземцев, которое развернулось под знаменем защиты православия. В начале 1652 г. собрался церковный собор, который постановил принять меры против нарушения иностранцами православных обычаев. На соборе прозвучали обвинения в адрес полковника Лесли: говорили, что он вместе с другими офицерами развлекался тем, что стрелял по кресту на куполе церкви, а его жена бросила в печь икону и заставляла русских слуг есть в пост собачье мясо. "Первым плодом этого было то, что открыто было провозглашено, что ни один русский впредь не должен служить у некрещеных язычников, под чем они разумеют всех чужестранцев, под страхом битья батогами... - доносил Родес. -

стр. 43

Сходятся 10 - 20 стрельцов, вторгаются совершенно неожиданно вдома иностранных офицеров и купцов, обыскивают их, и, если находят русского, то отводят под замок... Так же хотят объявить, что у всех тех, кто имеет здесь поместья, будет их имущество обратно отнято... Это направлено против поступка Лесли, который теперь, на старости лет, сидит в заточении..."⁴⁰.

В июле 1652 г. церковный собор избрал патриархом Никона, страстного проповедника и ревнителя церковной чистоты. С этого момента реформаторы на время утратили часть своего влияния на царя: возле Алексея появился новый человек, обладавший необычайным ораторским даром и способностью убеждать. Алексей и раньше был ревнив к вере, и патриарх задел его чувства, возбудив их против "еретиков". По словам шведского резидента Эберса, началась "московская реформация"⁴¹. Новый патриарх начал с того, что запретил немцам ходить в русском платье; послушников тащили в Приказ и наказывали кнутом. Ни один иностранец не должен был держать у себя русских икон; шведский двор подвергся самому тщательному осмотру с целью убедиться, что там не было православных образов и крестов. Русским было категорически запрещено поддерживать дружеские отношения с немцами, ходить в их дома, есть и пить с ними. Наконец, был издан строгий приказ: "Кто из немцев желает перекреститься по русскому обряду, тот пусть остается жить в городе, но кто отказывается поступить так, тот обязан в течение короткого времени вместе с жилищем своим выбраться из города за Покровские ворота, в Кокуй..."⁴².

У многих "немцев" были в Москве добротные каменные дома, переселение грозило им разорением. Еще большее впечатление произвела угроза отнятия поместий у тех, кто откажется креститься по православному обряду. Немецкие офицеры собрались и подали царю коллективное прошение, требуя отставки и отпуска на родину. Очевидно, этого и добивались определенные круги дворянства: как и в 1634 г., речь

шла об изгнании "ратных иноземцев" из России. Прошение осталось без ответа, и многие "немцы", действительно, уехали из России. Но Милославский и царь попытались спасти положение: тем, кто решит креститься, были обещаны большие подарки. В сентябре 1652 г. крестилась большая группа офицеров во главе с Лесли, который был не только помилован, но и получил огромное богатство, подарки на сумму 23 тыс. рублей. После крещения в доме Милославского состоялось православное венчание полковника с его женой. Крестившиеся вместе с Лесли офицеры получали поместья и 100 - 200 руб. деньгами, и даже простые солдаты записывались дворянами по "московскому списку"⁴³.

"Дело Лесли" показало, что и оппозиция, и реформаторы хорошо понимали роль этого "специалиста по реформам". Но несмотря на подарки и уговоры, многие иноземцы не приняли православия; часть из них уехала, остальные стали постепенно перебираться в Немецкую слободу. Однако и там "немцы" не знали покоя: когда они отстроили здесь две протестантские церкви, в слободу ворвалась толпа негодующих русских, сорвала крыши церквей, разломала и выбросила на улицу алтари. Лишь через некоторое время немцам было позволено восстановить церкви, но без алтарей и кафедр проповедников⁴⁴.

В 1653 г. политика властей неожиданно смягчилась: русским было строго запрещено оскорблять немцев и несколько ослушников были наказаны плетью. Назревала война с Польшей, обстановка заставляла спешить с продолжением начатой перед восстанием военной реформы. В 1653 г. были сформированы четыре полка иноземного строя, но на большее не было денег. Мануфактура на Язуе работала на полную мощность, но мушкетов все равно не хватало, и в октябре в Голландию направился подьячий Головин с небывалым по масштабам заказом на 20 тыс. мушкетов; одновременно с ним Виниус должен был закупить большое количество пороха. Зависимость от Европы была объективным фактором, Россию связывала с Голландией связь, которую нельзя было разорвать, по крайней мере, в то время. Поэтому правительство не исполнило решения Собора об ограничении иноземной тор-

стр. 44

говли; в 1653 г. был издан торговый устав, допускавший голландцев в Москву при уплате небольшой пошлины⁴⁵.

Финансовая проблема не была решена, и пустая казна оставалась камнем преткновения, на пути создания новой армии. В этой сложной ситуации ярко раскрылись таланты и познания реформаторов: они нашли выход в проведении новой финансовой реформы, чеканке медных денег. Если придерживаться версии Базилевича, то идея выпуска медных денег принадлежала псковскому дворянину А. Л. Ордин-Нащокину, который в 1654 г. прислал в правительство некие "статьи в тетрадах"; в этих статьях говорилось, "как для пополнения ратей в полки с поместьем и с вотчин и с скольких дворов даточных и рейтар взять, и почем им в год кормовых денег давать, и как о медных деньгах для тех же ратных людей промысл чинить". Сами "тетради" не сохранились, но из названия и из более поздних писем Нащокина видно, что он предлагал финансировать создание новой армии за счет выпуска

медных денег и комплектовать ее с помощью набора даточных-рекрутов. Предложения Ордин-Нащокина полностью копировали реформу, проведенную в 1625- 1630 гг. шведским королем Густавом Адольфом: именно так, с помощью введения медных денег и рекрутских наборов тот создал первую в Европе регулярную армию. Ордин- Нащокин был дипломатом; он несколько раз участвовал в переговорах со шведами, знал немецкий, польский и латинский языки и, очевидно, был в курсе шведских реформ. Однако возможны и другие версии происхождения денежной реформы: имеются свидетельства об участии в ней Морозова и Ртищева, и не следует забывать, что ближайшим советником Милославского был Лесли. Так или иначе, московское правительство было хорошо информировано о европейских событиях: Посольский приказ выписывал около полусотни европейских газет ⁴⁶ .

Реформаторы использовали еще два финансовых приема, заимствованных у шведов: во-первых, используя государственную монополию, они в огромном количестве продавали на внешнем рынке русский хлеб. В 1650- 1653 гг. продавалось ежегодно по 10 тыс. ластов - Россия еще не знала таких масштабов хлебной торговли. Другой метод получения денег вызывает ассоциации с германской практикой Густава Адольфа: все церкви были обложены данью, в монастырях проводились насильственные конфискации ценностей. "Ведомо нам учинилось, что у вас в монастыре есть деньги многие, - писал царь тихвинским монахам в 1655 г., - и мы указали взять у вас на жалование ратным людям 10 тыс. рублей..." ⁴⁷ .

Чеканка медных денег, продажа хлеба и конфискации в монастырях позволили начать войну с Польшей и оказать помощь восставшей Украине. Однако создавать новую армию не было времени, и Россия вступила в войну с тем войском, которое у нее имелось, то есть с несколькими полками "иноземного строя" и со 100-тысячным средневековым воинством, с поместной конницей и стрельцами. Весной 1654 г. армия, возглавляемая царем Алексеем Михайловичем, выступила в поход; Лесли, ставший к этому времени генералом, находился при царе в качестве главного военного советника и руководил осадой Смоленска ⁴⁸ .

В отсутствие царя фактическим правителем в Москве почти на три года остался патриарх Никон ⁴⁹ . Он продолжал политику фундаменталистской реакции, начал преследовать русских "западников"; им запрещалось носить немецкую одежду, в боярских и в купеческих домах устраивались обыски и изымались "фряжские" иконы. Вельможи из числа реформаторов были смертельно напуганы, они ждали, что их обвинят в ереси, но буря прошла стороной ⁵⁰ .

Между тем, военное положение резко изменилось: с запада в Польшу вторгся шведский король Карл X. Часть польской шляхты решила выйти из затруднительного положения, избрав Карла на польский престол. Для России война с Польшей грозила превратиться в войну со Швецией. Голландское правительство настойчиво выражало свою заинтересованность в открытии русскими "окна в Европу": это позволило бы увеличить масштабы

и двинулся на Ригу. Лесли предупреждал царя: русскому войску предстоит сражаться с первой в Европе регулярной армией, но царь приказал престарелому генералу руководить осадными работами. В октябре 1656 года под Ригой русская армия потерпела тяжелое поражение от многократно уступавшего по своей численности шведского войска. В следующем году последовало новое поражение под Валком, шведы взяли приступом и разграбили знаменитый Псково-Печерский монастырь. Эти поражения заставили реформаторов приступить к скорейшему созданию новой армии⁵¹.

После разгрома под Ригой все руководство русской армии - во главе с царем - принялось за изучение европейской военной техники и организации. В 1658 г. Алексей Михайлович заказал в Голландии несколько военных руководств, в том числе "Книгу огнестрельную в четырех частях" и "Книгу пушечным двором". По-видимому, именно в это время в библиотеке Тайного приказа появились "Книга судебная и о ратном ополчении", "Книга о наряде и огнестрельной хитрости" и "Роспись образцовым артиллерейским пушкам"⁵².

Началось создание регулярной армии. Было решено комплектовать ее так же как в Швеции, набирая рекрутов с определенного числа дворов, причем (как и в Швеции) норма набора с помещичьих крестьян была меньше, чем с государственных. Прежде в России бывали наборы "даточных людей", их набирали на одну военную кампанию, то есть на лето, а осенью "даточного" отпускали домой, и он снова становился крестьянином. Если в следующий год снова брали "даточных", то воевать шли другие люди. Теперь "даточные" превратились в рекрутов, они должны были служить всю жизнь; лишь во время мира их могли отпустить в родную деревню. Новые солдаты находились полностью на содержании государства; они получали жалование и обеспечивались обмундированием и оружием. Это были неслыханные для России порядки - ведь крестьянина на долгие годы отрывали от земли и от дома. Правда (как и в Швеции) солдаты получали неплохое жалованье - по 6 копеек в день, это была оплата квалифицированного ремесленника⁵³.

Создание новой армии было немислимо без приглашения тысяч иностранных офицеров, а ее финансирование требовало новых конфискаций церковных ценностей. В этой обстановке вспыхнул резкий конфликт между Никоном и царем - позднее Никон называл причиной конфликта то, что царь "обнищал и ограбил святую церковь"⁵⁴. Летом 1658 г. Никон был удален, а осенью этого года был проведен первый массовый набор "даточных"; затем последовали еще два набора, которые дали в общей сложности 51 тыс. солдат. Царь дал задание русскому резиденту в Голландии, Ивану Гебдону, подыскать в Европе командира и офицеров для новой армии, и тот подписал контракт с английским генералом Эргардом, и кроме того, нанял три тысячи офицеров. По словам имперского посла Мейерберга, в русской армии было больше ста иностранных полковников и "почти бесчисленное множество капитанов и прапорщиков". Формирование новой армии было ускорено страшным разгромом поместного ополчения у Конотопа в июне 1659 г. - стало ясно, что средневековая дворянская конница не может сражаться не только со шведами, но и с татарами. К началу 1660-х годов было сформировано 55 полков "иноземного строя" с русскими солдатами и иностранными офицерами. Дело не ограничивалось формированием солдатских пехотных полков; старую дворянскую конницу учили сражаться в строю и создавали полки рейтар. Дворяне, конечно, были недовольны, но после Конотопа им пришлось смириться. Впрочем Милославский на всякий случай застраховался от возможных осложнений: в 1657 г. были созданы два

гвардейских "выборных") солдатских полка, которые разместили в слободах под Москвой⁵⁵.

Однако оставалась проблема вооружения создаваемой армии. К 1662 г. было организовано производство мушкетов на Чернцовском заводе под Тулой, тем не менее, оружия не хватало, и свыше 60 тысяч мушкетов было закуплено в Голландии. Но самое главное: нужно было вооружить эту армию

стр. 46

новым оружием - легкими "полковыми пушками". На этот раз пришлось создавать "новое пушечное дело" без шведской помощи, а это оказалось намного труднее. Царь просил прислать из Голландии книгу о том, "какие пушки надобно... и в обозе и в полках... и какими легкими снастями их возить". Гебдону было предложено срочно "призвать из немецких земель... огнестрельных мастеров, которые б умели стрелять из верхова и ис полкового наряду... и гранатных мастеров, которые составляют составы, как стрелять из верховых и ис полковых пушек". В 1660 г. в Голландии было закуплено 300 пушек - по-видимому, это были шведские пушки, поскольку голландцы и прежде продавали России шведские чугунные орудия. По сообщению А. Роде, созданием новых моделей русских пушек руководил датский полковник Н. Бауман, причем Алексей Михайлович (подражая Густаву Адольфу?) не только присутствовал на испытаниях, но и сам рисовал чертежи артиллерийских орудий. Одновременно в Новгороде пытались делать "кожаные пушки", а на московском Пушечном дворе мастер Иванов отлил шесть трехфунтовых медных пушек, имевших вес 20 пудов. Однако не всякий литейщик обладал мастерством Иванова, и эти пушки не пошли "в серию"; на вооружение были приняты 2-фунтовые орудия, имевшие тот же вес, но больший запас прочности. В 1664 г. в Москве было отлито 60 медных двухфунтовых пушек; позднее на тульских заводах стали отливать чугунные двухфунтовые орудия; таким образом, русская армия получила "полковые пушки", но менее мощные, чем пушки де Геера⁵⁶.

Россия не могла сражаться сразу с тремя противниками, Швецией, Польшей и Крымом, поэтому Нащокину поручили заключить мир со Швецией. Он попытался протестовать: предлагал продолжить войну и, завоевав один из балтийских портов, прорубить для России "окно в Европу". Однако правительство лучше понимало опасность ситуации; оно отвергло его настояния и заключило мир. Реформаторы использовали некоторые идеи Нащокина, но долгое время не допускали его в свою среду. Он был далеко от Москвы: в 1656 - 1661 гг. исполнял обязанности воеводы в Ливонии и общался с царем с помощью писем. Правительством по-прежнему руководили Милославский и Морозов, которые недолго любили Нащокина за то, что в прежние времена он принадлежал к партии их противников-бояр; это они, а не Нащокин, проводили финансовую и военную реформу и в соответствии со своими взглядами. Им было, по-видимому, ведомо, что делать и без назойливого ливонского воеводы⁵⁷.

После перемирия со шведами противниками России оставались поляки (изгнавшие к тому времени Карла X) и крымские татары. Летом 1660 г. 35-тысячная русская армия под командованием В. Б. Шереметева выступила в поход на Львов; ядро этой

армии составляли полки нового строя. Шереметев должен был действовать вместе с новым украинским гетманом Юрием Хмельницким, сыном Богдана Хмельницкого, но украинцы перешли на сторону Польши. В результате русское войско было окружено на Западной Украине превосходящими силами поляков и татар. Окруженные русские построили движущийся "табор" из телег и полтора месяца отступали, отбиваясь от нападавших со всех сторон врагов. Однако в конце концов в русском "таборе" закончилось продовольствие, и в безвыходном положении Шереметев подписал соглашение о капитуляции⁵⁸.

Имперский посол Мейерберг дал следующую оценку действиям новой русской армии: "Пехотинцы дерутся превосходно, перестраиваясь на месте, пока находятся за укреплениями или плотно огорожены переносным забором из поперечных брусьев, из которых во все стороны выставлены пики... А конники никогда не показывают опытов такой же военной храбрости, потому что дворян, недостойных этого названия, никак нельзя заставить, чтобы они напали на неприятельский строй... Они бегут, бесстыдно покидая пехоту и подвергая ее плену или смерти"⁵⁹.

Поперечные брусья с пиками, о которых пишет Мейерберг, назывались "испанскими рогатками". Такого рода противокавалерийские "ежи" исполь-

стр. 47

зовались и в шведской армии. Это был существенный элемент новой тактики регулярных армий: находясь под защитой этих переносных укреплений, солдаты могли отражать атаку кавалерии огнем из мушкетов и пушек. Овладение новой тактикой свидетельствует, что несмотря на все неудачи, реформаторы добились своей цели: создали регулярную армию европейского типа. Они смогли это сделать, не взимая с населения чрезвычайных налогов, с помощью приема, который в наше время называют инфляционной политикой. Этот прием в свое время использовал Густав Адольф, и русские политики, конечно, знали, к чему это привело шведского короля: медные деньги со временем обесценились и начался быстрый рост цен. Однако Густав Адольф успел создать армию и одержать победу; разграбление побежденной Германии решило все его финансовые проблемы. Морозов и Милославский тоже надеялись на победу. В первые два года войны на содержание войск было истрачено 1300 тыс. рублей, но курс медных денег был еще достаточно устойчив. Затем, в связи с созданием новой армии, расходы резко возросли, и правительство увеличило чекан медной монеты; за пять лет ее было выпущено на 20 млн. рублей. Естественно, началась инфляция. Обычная цена четверти ржи в Вологде составляла около 90 денег; в конце 1658 г. цена выросла до 160 денег, а к осени 1661 г. - до 2,5 руб. (500 денег). "Купцы просили за свои товары, а крестьяне за свой хлеб и другие съестные припасы вдесятеро против обыкновенного", - свидетельствует Мейерберг.

25 июля 1662 г. в Москве вспыхнул "медный бунт": толпа посадских людей требовала выдать ей на расправу "изменников", чеканивших медные деньги, в том числе Милославского и Шорина⁶⁰.

Это было уже второе восстание против правительства реформаторов. На этот раз

Милославский учел прошлый опыт и знал, что делать. Были вызваны полки стрельцов, а в подкрепление к ним - все офицеры из Немецкой слободы на Кукуе. Бунт был подавлен, но положение продолжало ухудшаться; в январе 1663 г. четверть ржи в Вологде стоила 24 рубля. Между тем, солдатам и офицерам новой армии платили медными деньгами, а крестьяне не продавали хлеб на медь ⁶¹. "В Быхове хлебных запасов нет, ратные люди едят траву и лошадей", - докладывал смоленский воевода в 1662 году ⁶². В самом Смоленске на рынке не было хлеба, потому что крестьяне, собрав урожай, прятали его в ямы - боялись, что солдаты отнимут зерно. Дезертирство приняло массовый характер; в Москве сам царь два раза упрашивал войско не покидать службы ⁶³.

Созданная на медные деньги новая армия начала распадаться, когда эти деньги обесценились. Правительству, в конце концов, пришлось отказаться от чеканки медяков и возвращаться к серебряной монете. Чтобы получить последнюю, реформаторы еще раз использовали прием монополизации внешней торговли. В 1662 г. была взята в монополию торговля основными экспортными товарами: пенькой, юфтью, поташем, смолой, соболями, салом, лесом. Все эти товары забирались у купцов с выплатой компенсации медными деньгами и продавались иностранцам за серебро. Тем не менее, доходы не могли обеспечить содержание армии, и уже в январе 1664 г. царь начал переговоры о мире с Польшей. В 1667 г. был заключен договор о перемирии в Андрусове ⁶⁴.

Морозову не суждено было увидеть завершение войны и реформы, он умер осенью 1661 г., еще до "медного бунта". Царь до последнего дня навещал своего первого советника и сидел у постели умирающего, отдавая ему дань уважения и любви. Заслуги Морозова как фактического руководителя правительства были очевидны не только царю: "Муж, достойный вечной славы", - писал о Морозове Юрий Крижанич. Последний жест Морозова имел символический характер: он распорядился раздать большую часть своего огромного наследства немецким офицерам новой армии ⁶⁵.

После смерти Морозова оставшийся в одиночестве Милославский руководил правительством еще несколько лет. Незадолго до окончания войны Милославского разбил паралич, и он передал дела Ордин-Нащокину, кото-

стр. 48

рый и заключил мир ⁶⁶. В целом, несмотря ни на что, это была победа. По договору в Андрусове Россия вернула Смоленск, присоединила восточную Украину и расширила свою территорию за счет богатых и густонаселенных областей. Это сразу увеличило доходы казны и силу государства; теперь Европе приходилось уважать "московитов".

Одновременно с победой над внешним врагом была достигнута другая, не менее значимая цель: была создана новая армия. Своевременное заключение мира спасло начавшуюся распадаться армию; полки иноземного строя были на время распущены по домам, чтобы вскоре собраться для новой войны. Противники быстро почувствовали возросшую силу России: в 1678 г. в битве под Чигирином новая армия нанесла поражение дотоле страшным для Москвы османам. В ходе этого сражения

Московский полк продемонстрировал, как будут одерживаться победы Миниха и Румянцева: окруженный турками, полк построился в каре и отбивал атаки противника огнем полевых пушек и ружейными залпами. Турецкие военачальники признавали, что были удивлены доблестью русской пехоты⁶⁷.

Итак, русская регулярная армия была создана задолго до петровских реформ, что признавал и сам Петр ?. В начале своего манифеста о Воинском уставе Петр писал. "Понеже всем есть известно, коим образом отец наш... в 1647 году начал регулярное войско употреблять и устав воинский издан был..." Необходимую для новой армии военную промышленность тоже создал не Петр - она была создана Виниусом и Марселисом. Петр Великий продолжал начатые до него реформы, при этом во многом подражая своим предшественникам: он снова вводил соляную пошлину и медные деньги, монополизировал внешнюю торговлю и отнимал богатства у церкви.

Как бы то ни было, военная реформа стала свершившимся фактом уже в середине XVII в. - и это имело колоссальное значение для будущего России. В Московском царстве основой государства была поместная система, воины-дворяне получали средства на содержание за счет доходов с крестьян. После польской войны поместное ополчение перестало существовать⁶⁸; в новой армии солдаты набирались из крестьян и обеспечивались за счет государства. Это означало, что поместная система становится ненужной, содержание армии должно производиться за счет сбора налогов, на смену помещикам должны прийти чиновники-фискалы и чиновники-офицеры. Это подразумевало увеличение налогов и финансовую реформу. Эта реформа не удалась Морозову и Милославскому, им пришлось создавать армию на временной основе инфляционной политики. Для последующих поколений реформаторов - Ордин-Нащокина, Голицына и Петра I - еще оставалось много работы. Но главное было достигнуто - сделан большой шаг к модернизации страны по европейскому образцу; России больше не грозила участь Индии или Польши.

Примечания

1. См.: БАГГЕР Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М. 1985.
2. СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. XVIII. М. 1995, с. 32.
3. ROBERTS M. Gustavus Adolphus. A History of Sweden. Vol. 2. 1626 - 1632. Leiden, N.Y., Toronto. 1958, p. 66, 91, 109, 119; HILDEBRAND K. -G. Swedish Iron in the Seventeenth and Eighteenth Centuries Export Industry before the Industrialization. Sodertalje. 1992, p. 48 - 49.
4. ROBERTS M. Essays in Swedish History. Lnd. 1967, p. 195.
5. ROBERTS M. Gustavus Adolphus, p. 232; НИЛУС А. История материальной части артиллерии. Т. 1. СПб. 1904, с. 142 - 143.
6. НИЛУС А. Ук. соч., с. 142, 146; ROBERTS M. Gustavus Adolphus, p. 231, 233.
7. ROBERTS M. Gustavus Adolphus, p. 64, 210, 238 - 241; РАЗИН Е. А. История

военного искусства. Т. III. СПб. 1994, с. 388, 396.

8. ROBERTS M. *Gustavus Adolphus*, p. 84, 87; ПОРШНЕВ Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М. 1976, с. 206; КОРДТ В. А. Очерк сношений Московского государства с республикой Соединенных Нидерландов по 1631 год. - Сб. Российского исторического общества. 1902. Т. 116, с. ССХХ.

стр. 49

9. БЕРЕНДС Э. С. Государственное хозяйство Швеции. Ч. I. СПб. 1890, с. 176, 196, 200.

10. ROBERTS M. *Essays in Swedish History*, p. 195 - 216.

11. СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. V. М. 1990, с. 153, 268; ПОРШНЕВ Б. Ф. Ук. соч., с. 243 - 245; ДЬЮКС П. Семейство Лесли в шведский период (1630 - 1635) Тридцатилетней войны. - Россия и мировая цивилизация. М. 2000, с. 155 - 157; ЧЕРНОВ А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. М. 1954, с. 136; КОРДТ В. А. Ук. соч., с. ССLVI.

12. История отечественной артиллерии. Т. I. Кн. I. М. 1959, с. 331; СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. V, с. 156, 265.

13. СМIRНОВ П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М. -Л. 1947, с. 405; ЧЕРНОВ А. В. Ук. соч., с. 137; МУРЗАКЕВИЧ Н. О пушечном литейном искусстве в России. - Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНГП). 1838, N 9, с. 544; ВОЛОДИХИН Д. Честь воеводы. - Родина, 1998, N2, с. 42 - 43.

14. КОРДТ В. А. Ук. соч., с. ССXL, ССLI; ПЛАТОНОВ С. Ф. Москва и Запад в XVI-XVII веках. М. 1925, с. 98 - 99; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М. 1955, с. 129 - 132.

15. Там же; СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. V, с. 139; ОЛЕАРИЙ А. Путешествие в Московию. - Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л. 1986, с. 358.

16. ГАМЕЛЬ И. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М. 1828, с. 6 - 12, 27; БАКЛАНОВ Н. Б., МАВРОДИН В. В., СМIRНОВ И. И. Тульские и каширские заводы в XVII веке. М. -Л. 1934, с. 13, 56; СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. V, с. 291.

17. СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. V, с. 292, 458; Очерки истории СССР, с. 104, 119; ШЕПЕТОВ К. Н. Помещичье предпринимательство в XVII веке (по материалам хозяйства князей Черкасских). - Русское государство в XVII веке. М. 1961, с. 29 - 30; ПАТРИКЕЕВ Д. И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л. 1967, с. 21, 22, 114,

128; КУРЦ Б. Состояние России в 1650 - 1655 годах по донесениям Родеса. - Чтения в Обществе истории и древностей российских (ЧОИДР), 1915. Кн. 2. Отд. II, с. 51 - 52; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук (ААЭ). Т. IV. 1645 - 1700. СПб. 1836, с. 20.

18. Там же, с. 14 - 18; СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. V, с. 288 - 289; ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 99 - 100; СМИРНОВ П. П. Ук. соч. Т. 2. М. -Л. 1948, с. 14.

19. Цит. по: СМИРНОВ П. П. Ук. соч. Т. I, с. 425 - 426.

20. СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. VII. М. 1990, с. 131; ОЛЕАРИЙ А. Путешествие в Московию, с. 378, 388, 415; ИЛОВАЙСКИЙ Д. И. Отец Петра Великого. М. 1996, с. 421; Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых. - ЧОИДР. 1847. N 5, с. 103; ЖАРКОВ В. П. Боярин Борис Иванович Морозов - государственный деятель России XVII века. Канд. дис. М. 2001, с. 58 - 59, 64; МЕИЕРБЕРГ А. Путешествие в Московию. - Утверждение династии. М. 1997, с. 152.

21. Письмо одного шведа из Москвы в 1647 году писанное. - Северный архив. 1822. Ч. 1, с. 151.

22. ФОРСТЕН Г. В. Сношения Швеции с Россией в царствование Христины. - ЖМНП, 1891, июнь, с. 372.

23. ГАМЕЛЬ И. Ук. соч., с. 17; СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. V. М. 1990, с. 591 - 593; ЯКУБОВ К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века. - ЧОИДР. 1898. Кн. 1, с. 410; КУРЦ Б. Состояние России в 1650 - 1655 годах по донесениям Родеса. - ЧОИДР. 1915. Кн. 2. Отд. II, с. 100; ЕПИФАНОВ П. П. Очерки по истории армии и военного дела в России (вторая половина XVII - первая половина XVIII века). Докт. дисс. М. 1969, с. 201; ФАЛИНА Е. И. Царь Алексей Михайлович и политическая борьба при Московском дворе (1645 - 1652). - Российская монархия. Вопросы истории и теории. Воронеж, 1998, с. 100.

24. ОЛЕАРИЙ А. Ук. соч., с. 373.

25. Письмо одного шведа, с. 157; СОЛОВЬЕВ С. М., Сочинения. Кн. V, с. 462.

26. Цит. по: СМИРНОВ П. П. Ук. соч. Т. 2, с. 10.

27. СМИРНОВ П. П. Ук. соч. Т. 2, с. 12 - 15, 35.

28. СМИРНОВ П. П. Ук. соч. Т. 2, с. 19, 29 - 30; 138, 150; ЧЕРНОВ А. В. Ук. соч., с. 151; ИЛОВАЙСКИЙ Д. И. Ук. соч., с. 126; НОВОСЕЛЬСКИЙ А. А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII века. - Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М. 1961, с. 66; ОЛЕАРИЙ А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М. 1870, с. 318.

29. ААЭ. Т. IV, с. 5.

30. Городские восстания в Московском государстве XVII века. Сборник документов. М. -Л., 1936, с. 46

31. СМИРНОВ П. П. Ук. соч. Т. 2, с. 31 - 32.

стр. 50

32. ОЛЕАРИЙ А. Путешествие в Московию, с. 380; Очерки истории СССР, с. 231, 426; СМИРНОВ П. П. Ук. соч. Т. 2, с. 32 - 37.

33. БАЗИЛЕВИЧ К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М. 1936, с. 6; ЛОБАНОВА Е. В. Предпринимательское поведение крупного землевладельца XVII века (на материалах вотчинного архива боярина Б. И. Морозова). - Экономическая история. Ежегодник. 2002, с. 15; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. IV. СПб. 1842, с. 130, 138, 141.

34. ЖАРКОВ В. П. Ук. соч., с. 101.

35. МАЛОВ В. Н. Ж. -Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М. 1991, с. 167; ДЕМКИН А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 1. М. 1994, с. 40.

36. МЕЙЕРБЕРГ А. Ук. соч., с. 120, 152; КОЛЛИНС С. Нынешнее состояние России. - Утверждение династии. М. 1997, с. 225; ОЛЕАРИЙ А. Путешествие в Московию, с. 379; СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. V, с. 189.

37. Городские восстания, с. 37, 39, 46 - 51; СМИРНОВ П. П. Ук. соч. Т. 2, с. 168 - 233, 243; Очерки истории СССР, с. 232 - 233, 245 - 249; ОЛЕАРИЙ А. Путешествие в Московию, с. 384.

38. КУРЦ Б. Ук. соч., с. 93; БАЗИЛЕВИЧ К. В. Ук. соч., с. 108; ПЛАТОНОВ С. Ф. Ук. соч., с. 109.

39. Цит. по: ТИХОМИРОВ М. Н. Класовая борьба в Росии. М. 1969, с. 173; СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Ки. V, с. 475 - 483; Городские восстания, с. 42; БАРЕНЦЕВ В. А., КОВАЛЕНКО Г. М. Хроника "бунташного" века. Л. 1991, с. 105 - 113.

40. КУРЦ Б. Ук. соч., с. 97 - 98.

41. ФОРСТЕН Г. В. Сношения Швеции с Россией во второй половине XVII века. -

ЖМНП. 1898, февраль, с. 221.

42. Цит. по: ОЛЕАРИЙ А. Путешествие в Московию, с. 411.

43. СТОРОЖЕВ В. Н. Подарки царя Алексея Михайловича полковнику Лесли "для крещения и за подначальство". М. 1895, с. 2, 6; КУРЦ Б. Г. Ук. соч., с. 102 - 104; ЦВЕТАЕВ Д. Ук. соч., с. 342; ОЛЕАРИЙ А. Подробное описание, с. 318.

44. ВЕРНАДСКИЙ Г. В. Московское царство. М. 1997. Ч. 1, с. 388 - 389; ОЛЕАРИЙ А. Путешествие в Московию, с. 412.

45. ГУРЛЯНД И. Я. Иван Гсбдон. Комиссариус и резидент. Ярославль. 1903, с. 9; ЕПИФАНОВ П. П. Ук. соч., с. 211; СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. V, с. 593; ОЛЕАРИЙ А. Подробное описание, с. 371.

46. БАЗИЛЕВИЧ К. В. Ук. соч., с. 12; СОЛОВЬЕВ СМ. Сочинения. Кн. VI. М. 1990, с. 47; ГАЛАКТИОНОВ И. В., ЧИСТЯКОВА Е. В. Ордин-Нащокин - русский дипломат XVII века. М. 1961, с. 17; РАЗИН Е. А. Ук. соч., с. 223; САПУНОВ Б. В. Немецкие книги и газеты в Москве XVII в. (из истории русских культурных связей). - Книга: исследования и материалы. 1994. Вып. 68, с. 300; КУРСКОВ Ю. В. Ведущее направление общественной мысли и проекты государственных преобразований России 40 - 60-х годов XVII века. Чита. 1973, с. 17; МЕЙЕРБЕРГ А. Ук. соч., с. 153.

47. Цит. по: СОЛОВЬЕВ СМ. Сочинения. Кн. VII. М. 1991, с. 122; КУРЦ Б. Ук. соч., с. 159.

48. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 206.

49. Подробнее см.: БОГДАНОВ А. П. Патриарх Никон. - Вопросы истории, 2004, N 1.

50. КАПТЕРЕВ Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. Сергиев посад. 1909, с. 153 - 155.

51. ИЛОВАЙСКИЙ Д. И. Ук. соч., с. 174, 176; БЕЛОВ М. И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. - Международные связи России в XVII- XVIII вв. М. 1966, с. 61.

52. ГУРЛЯНД И. Я. Ук. соч., с. 10; ЗАОЗЕРСКИЙ А. Царская вотчина в XVII веке. М. 1937, с. 246 - 248

53. ЧЕРНОВ А. В. Ук. соч., с. 138, 153; КАЛИНЫЧЕВ Ф. И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. М. 1954, с. 70 - 71; БЕ-РЕНДС Э. С. Ук. соч., с. 196; МЕЙЕРБЕРГ А. Ук. соч., с. 163; Каменщик и портной получали 5 - 6 копеек в день. См.: ДОВНАР- ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Торговля и промышленность Москвы. XVI-XVII вв. М. 1910, с. 75.

54. Цит. по: КАПТЕРЕВ Н. Ф. Ук. соч., Т. 2, с. 190.

55. ГУРЛЯНД И. Я. Ук. соч., с. 8, 10, 26; МЕЙЕРБЕРГ А. Ук. соч., с. 158; ЧЕРНОВ А. В. Ук. соч., с. 145, 162; БАКЛАНОВ Н. Б., МАВРОДИН В. В., СМИРНОВ И. И. Ук. соч., с. 76; МАЛОВ А. Рождение регулярной армии. - Независимое военное обозрение. 20.VII.2001.

56. Цит. по: ГУРЛЯНД И. Я. Ук. соч., с. 14, 48; БАКЛАНОВ Н. Б., МАВРОДИН В. В., СМИРНОВ И. И. Ук. соч., с.76; ГАМЕЛЬ И. Ук. соч., с. 6; РОДЕ А. Посольство Ордерланда. - Утверждение династии. М. 1997, с. 25; КОЛОСОВ Е. Е. Развитие артиллерийского вооружения в России во второй половине XVII века. - Исторические записки. 1962. Т. 71, с. 260- 261; ЕПИФАНОВ П. П. Ук. соч., с. 265.

стр. 51

57. СОЛОВЬЕВ С. М. Сочинения. Кн. VI, с. 73 - 74; ЖАРКОВ В. П. Ук. соч., с. 156.

58. ИЛОВАЙСКИЙ Д. И. Ук. соч., с. 210 - 216; МЕЙЕРБЕРГ А. Ук. соч., с. 163.

59. МЕЙЕРБЕРГ А. Ук. соч., с. 161.

60. РАЗИН Е. А. Ук. соч., с. 396; УЛАНОВ В. Я. Финансовые реформы царя Алексея Михайловича и "гиль" 1662 года. - Три века. Т. 1. М. 1912, с. 208; МЕЙЕРБЕРГ А. Ук. соч., с. 160; БАЗИЛЕВИЧ К. В. Ук. соч., с. 26, 39 - 40, 42, 108.

61. БАЗИЛЕВИЧ К. В. Ук. соч., с. 40.

62. Цит. по: СОЛОВЬЕВ СМ. Сочинения. Кн. VI, с. 115.

63. БАЗИЛЕВИЧ К. В. Ук. соч., с. 36; СОЛОВЬЕВ СМ. Сочинения. Кн. VI, с. 117.

64. КУРСКОВ Ю. В. Ук. соч., с. 61.

65. КРИЖАНИЧ Ю. Политика. М. 1997, с. 134; ГОРДОН П. Дневник генерала Патрика Гордона. Ч. 2. М. 1892, с. 20; МЕЙЕРБЕРГ А. Ук. соч., с. 152

66. КОЛЛИНС С. Ук. соч., с. 220.

67. ИЛОВАЙСКИЙ Д. И. Ук. соч., с. 461; РАЗИН Е. А. Ук. соч., с. 252.

68. ЧЕРНОВ А. В. Ук. соч., с. 162.

стр. 52

